

18+ Даниил Злобин

Время рассказывать

рассказы
сказки
стихи

Даниил Злобин

**Время рассказывать.
Рассказы, сказки, стихи**

«Издательские решения»

Злобин Д.

Время рассказывать. Рассказы, сказки, стихи / Д. Злобин —
«Издательские решения»,

Время рассказывать — значит делиться тем, что живёт внутри. В этой книге собраны сказки, что согревают, как плед, рассказы, что будят любопытство, и стихи, что ловят мгновения, не отпуская их. Пусть это время станет вашим. В этой книге вошли произведения из сборника сказок «Сказки зачарованного края» и сборника коротких рассказов «Рассказы с края реальности».

© Злобин Д.

© Издательские решения

Содержание

«Предисловие к книге»	6
Рассказы	7
Часы и кувшин	7
Призрак кирпичного дома	9
День с дворняжкой	11
Тёплый вечер лета	13
Доктор с платформы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Время рассказывать Рассказы, сказки, стихи

Даниил Злобин

Дизайнер обложки Павел Александрович Злобин

© Даниил Злобин, 2026

© Павел Александрович Злобин, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6724-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Предисловие к книге»

Есть мгновения, когда хочется не спешить — остановиться, прислушаться к себе и к миру, взглянуться в обыденность и разглядеть в ней тайну. Именно для таких мгновений и рождается настоящая литература: она не гонится за сенсацией, а бережно высвечивает то, что легко проглядеть в суете дней. Книга Даниила Злобина «Время рассказывать» — как раз такое приглашение к замедлению и осмыслению.

Перед вами сборник, в котором соседствуют разные литературные формы, но объединяет их одно: искреннее стремление автора говорить о главном. В разделе рассказов автор показывает, как в простых, на первый взгляд, ситуациях раскрывается глубина человеческих переживаний. Десять историй — это мозаика судеб, где рядом живут дружба, предательство и страх, робкое взросление и мудрое принятие, случайные встречи, переворачивающие жизнь, и тихие открытия, которые случаются в самые обычные дни. Каждый рассказ — как остановленный кадр, в котором застыла эмоция; он не даёт готовых ответов, но побуждает задуматься и увидеть мир чуть иначе.

Сказки в этом сборнике — не просто волшебные истории для детей, а притчи о верности, искуплении и выборе. Четыре сказки о смелых путешествиях и испытаниях напоминают нам, что настоящий путь всегда ведёт к себе: к пониманию своих страхов, желаний и ответственности за собственные решения. В них есть и приключение, и нравственный урок, поданный не в назидательной форме, а через образы и события, которые запоминаются надолго.

Завершают книгу стихи — прямой, доверительный разговор с читателем о самом важном. Здесь переплетаются трепетные признания в любви, суровая правда о войне, восхищение красотой природы и размышления о хрупком равновесии мира. Стихи звучат как исповедь: в них есть место и светлой надежде, и глубокой тревоге, и честному взгляду на современность. Личные переживания автора становятся отражением эпохи, а частное чувство обретает универсальный смысл.

Даниил Злобин — начинающий автор, и в его текстах чувствуется не только талант, но и смелость: смелость говорить о сложных вещах простым языком, смелость не сглаживать острые углы, смелость доверять читателю. В этой книге нет показной виртуозности — зато есть настоящая работа души.

«Время рассказывать» — это книга о том, что у каждой истории есть своё время: время родиться, время быть услышанной, время отозваться в чьём-то сердце. Пусть это время наступит и для вас. Откройте страницы сборника — и позвольте себе услышать эти голоса.

Рассказы

Часы и кувшин

У нас дома на побелённой стене висят часы, обычные. Рамка этих часов квадратная, окрашена в выцветший оливковый цвет. На циферблате часов изображены серые цветы, схожие с лилиями.

Тиканье часов напоминает на марш, но при этом как колыбельная. Ах, этот звук успокаивает до сих пор: с детства без него трудно заснуть.

Лёжа, ты ненароком смотришь на часы — не только на время — и приходит ассоциация с этакой старой служанкой, тихой, неприметной, которая ходит в чепчике. Она как бабушка, качающая детей в яслях.

Часы за всю свою службу видели многое и многих.

Вместе с ними пробыл долгих пять лет кувшин — давно пыльный, весь дорогой, статный, будто сама Императорская корона. В него часто клали дорогие цветы, и, смотря на то, как в него кладут цветы, он будто становился счастливее. Но счастье однажды должно было прекратиться.

Одним прекрасным вечером кот бежал от отцовского тапка. Прыгнув на стол, кувшин рухнул вниз, от него отвалился большой осколок.

— Барсик! — прокричал отец.

Кота отправили гулять на улицу, а кувшин заклеили.

Хозяйка: «Дорогой! Завтра новый кувшин купим, а этот выбросим: уж больно некрасивый он, чересчур вычурно выглядит».

Хозяин: «Лен! Мне его что, выкидывать идти?»

Хозяйка: «Завтра выкинешь. Плохая примета — вечером выкидывать мусор».

Хозяин: «Ладно».

Заклеенный кувшин поставили назад. На этой ноте у Кувшина и Часов завязался диалог.

Кувшин: «О горе мне, матушка! Меня выкинут, я разбит и разочарован».

Часы: «Ой, мой бедненький! Как так случилось?»

Кувшин (тяжело вздыхает).

Кувшин: «Эх, этот блохастый! За что меня? Его на мусорку надо — это просто предательство!»

Часы: «Как же?! Ты ведь дорого выглядишь, весь в узорах, прослужил... В тебе такие цветы стояли! Ах, а твой рубин по центру — им не налюбоваться!»

Кувшин: «Поганый котяра!»

Часы: «Может, не всё так плохо? Вдруг зря волнуешься? А если тебя в руки отдадут? Я помню: ещё до тебя была ваза, так она треснула — её отдали соседке».

Кувшин: «Да если бы меня отдали... Кому поломанный нужен?»

Часы: «Только ты, миленький, не переживай. Ты плохого ничего не сделал, Бог тебя не накажет. Да и многое повидала».

Кувшин: «Эх, ладно. Может, и вправду плохого не будет».

Часы: «Надо просто думать о хорошем».

Кувшин: «Может, вспомним, что было?»

Часы: «А давай!»

Часы: «А помнишь, когда пьяная хозяйка пришла, а сын её двойку получил? Так она не рассердилась. Думал тот сынок, что мамка доброй стала. На следующий день пришёл, показал двойку — так она его отлупила».

Кувшин: «Ха-ха-ха! Ужас какой был! А ты помнишь, как собака забежала в дом, всё разнесла, за Барсиком гонялась?»

Часы: «Это случаем не после этого псину на цепь посадили?»

Кувшин: «Да, после этого».

Часы: «Не помнишь ли первые шаги младшего сына хозяйки? Это самое прекрасное, что я видела, и его первое слово — „мама“».

Кувшин: «И не говори. Эх, порой я думаю, что мы просто относимся к жизни, не понимая, как важны эти счастливые минуты».

Часы: «А правду всё же говоришь. Столько минут я отсчитала. Слушай, а не помнишь ли...»

Это были самые счастливые часы, минуты вечера...

Часы и кувшин говорили, болтали и смеялись, плакали и радовались. Их объединял этот зал и эти воспоминания: Новый год, жаркое солнечное лето и прочее.

Вскоре наступило утро.

Закурив сигарету, глава семейства неспешно надел домашние тапочки, осторожно взял кувшин и отнёс его к стоящему во дворе мусорному баку. Часы в это время спали, но вскоре пробудились от звука разбившегося кувшина. Увидев, что друга нет, им стало одиноко и грустно. В это время у мусорки, брошенный и ненужный, валялся разбитый кувшин. Среди его черепков, будто забытое сокровище, тускло поблескивал рубин.

К обеду принесли новый кувшин — стеклянный, с узорами и орнаментами. Он был красивым, но каким-то пустым.

В этот день девочка играла с мячиком и не заметила, как он укатился к мусорному баку. Подойдя ближе, она увидела разбитый кувшин, а среди осколков блестел небольшой рубин — размером с палец. Девочка подхватила драгоценность, забрала мяч и поспешила прочь.

На другой день девочка прикрепила найденный рубин к цепочке, создав из него кулон.

— Я буду самая красивая на дне рождения! — сказала она.

В доме у хозяев намечалось торжество: сыну хозяйки исполнилось одиннадцать лет. Вечер, всё в конфетти, накрытый стол.

Стрелки часов медленно крутились, словно в тоске, думая о разбитом кувшине. Даже детский смех и игры не радовали их. Вскоре на праздник пришла та девочка с кулоном. Часы увидели рубин на её шее.

— Кувшин, это ты?! — прозвучало в тишине.

— Здравствуй! — отозвался кулон.

Часы и кувшин снова встретились. Они общались весь праздник. Вскоре мероприятие закончилось, дети разошлись, а часы снова ждали, когда придёт их друг.

Призрак кирпичного дома

В жаркое лето я гулял с другом под солнцем. Испепеляющая жара так и говорила мне: «Уходи отсюда, беги, человечешка, под тень!»

Мы с Тимофеем заглянули в ларёк. За кассой сидела тётка всех полных размеров.

— Чего вам? — сказала она недовольным тоном.

Я, считая десятирублёвки, попросил два фруктовых льда. Она выдала нам мороженое, и мы пошли. Запах свежей травы донёсся откуда-то. Мы заметили дуб, под ним была установлена поилка.

Тимоха сказал:

— Слышь, давай-ка сядем вон под тем сухим местом, подальше от поилки.

Я согласился. На свежей летней траве мы обсуждали, куда бы дальше пойти гулять в такую погоду.

На шорты Тимохи сел жук-солдатик, и меня осенило: а что, если пойти на нашу речку? Друг идею поддержал. Мы встали и снова пошли по пеклу.

Мы шли. Кирпичная укладка будто плавилась. Казалось, что до речки идти километры. Мы прошли наш городской парк. Сначала мы вышли из города — он небольшой, сельского типа. Проходили по сухой степной траве, с жуками и этой надоедливой липкой травой. В итоге вдали показались деревья и камыши — всё прояснялось, и в итоге мы дошли.

— Слушай, а где это твоя речка? — спросил Тимоха.

— Тут одни камыши. Может, тебе показалось?

— Да не показалось мне! Я сюда не один раз ходил. Тут вода чистая, мусора нет, но камыши придётся срубать.

Шли мы по тропинке, встречались камни, жуки, но главное — деревья давали прекрасную прохладу. Шли так 15 минут: деревья постепенно исчезали, и снова появились камыши.

— Вот оно! — крикнул я.

Тимоха, подбежав, начал снимать с себя всю одежду. Раздевшись до трусов, он мигом прыгнул в реку. Я тоже снял одежду, залез в воду и поплыл.

Мы плескались, ныряли вглубь. Речка оказалась мелководной: в середине было по грудь.

Но вдруг я почувствовал что-то неладное: друг пропал, ничего не слышно. Вскоре что-то резко тянуло ноги на дно. Я испугался, сопротивлялся, кричал, звал на помощь. Но вынырнул Тимоха и начал хохотать, как конь. Это он решил пошутить, но не очень удачным способом. Затем мы боролись в воде. Время шло незаметно, подступал вечер, было ещё светло.

Я решил проплыть дальше, но заметил ступени — каменные, но заросшие водорослями и камышами. Забравшись на ступеньки, я позвал друга:

— Тимоха! Иди сюда!

Тимоха, как подлодка, проплыл и тоже залез.

Мы начали рубить толстой веткой камыши. Прорубив проход, мы обнаружили, что наши пятки были в ранках, а тело — в семенах камыша. Открыв проход, мы обомлели.

На пути стояло старое кирпичное здание, походившее либо на католическую церквушку, либо на дом — нам точно неизвестно. Вид здания был ветхим: балки из брёвен сгнили и торчали, крыши не было, груды кирпичей и всякого непонятного мусора вела ко второму этажу. Отплыв назад за вещами, мы вернулись обратно, переправив вещи так, чтобы они остались сухими.

Одетый, я подходил медленно, со страхом: вдруг там кто-то есть? Мы поднялись на второй этаж аккуратно, чтобы арматура нас не задела. Камни и кирпичики падали вниз — какие-то обломки под нашим весом проседали.

— Тихо! — сказал я.

Поднявшись, мы почувствовали запах — запах гари, чего-то прелого и старого. Второй этаж представлял собой небольшую комнатку. Там были окурки, даже шприцы. В центре стоял потухший костёр.

Мы с интересом разглядывали, трогали и тыкали стены. Что-то начало шуршать — страшно, но жутко интересно: откуда звук?

Спустившись вниз, заглянули на первый этаж. Комната оказалась меньше из-за обвала, но часть её сохранилась. Мы оглядывались. Стоял запах сладкой ванили или старых духов. Как нам показалось, здесь царила атмосфера какого-то заброшенного поместья 1910-х годов. Стоял туалетный столик, стулья явно позолоченные, разбитые часы и многое другое.

— Вот это да! Ты глянь, — сказал я громким шёпотом.

Тимоха оглядывался, тыкал палкой, искал. Вдруг он заметил за шкафом дырку — огромную, туда спокойно мог протиснуться человек.

— Друг, иди сюда, я тут кое-что нашёл.

Оглядываясь, я аккуратно ступал по фанере. Подойдя, я был удивлён. В полу было отверстие, и явно туда можно было поместиться.

Мы оба пролезли: грязь, пыль, запах мочи и паутина. Вскоре я под своими ногами заметил следы — собачьи. Мы насторожились, но Тимоха сказал:

— Да не волнуйся, посмотрим, что там, и пойдём.

Мы поползли дальше. Когда нить паутины попала мне в ноздрю, я чихнул сильно. Вскоре послышался писк. Нам стало страшно: вдруг там призрак умершего младенца? Но Тимоха всё подталкивал меня вперёд. Нехотя, мы двигались вперёд.

«Кх-кх-кх», — кашлянул я, выйдя из этой норы. Мы наткнулись на комнату, небольшую, как пять уличных туалетов. В углу слышался этот писк. Мы посветили телефоном — там оказались щенки.

— Блин, нам конец! Ты понимаешь, что это? — сказал Тимофей.

— Нет?..

— Это щенки питбуля. Если их мать здесь, она нас разорвёт.

Нам стало ещё страшней. Мы поползли назад так, будто за нами гонится смерть. И если бы мы на секунду замедлились, то нас бы не было. Мы бегом вышли из здания.

Солнце уже село, а к этому времени пришла мать детёнышей. Это была разъярённая самка питбуля — страшная, массивная псина, машина для убийств, готовая напасть. Её холодный взгляд был словно нож у горла. Я не помню, как успел прыгнуть в реку, помню, как чуть-чуть — и она бы схватила Тимоху. Мы прыгнули. Наши телефоны и вся одежда промокла. Быстро проплыв до берега, мы бежали, думая, что она за нами ещё гонится. Дойдя до города, мы остались без телефонов — они выпали. Одежда — сырая и грязная, вонючая и вся в липкой траве. Уставшие, добрались до парка, там и разошлись...

Спустя час дома меня поджидали родители. Мне здорово от них досталось за одежду и за телефон, а после отправили меня мыться. Вечер я провёл дома, обдумывая всё, что произошло. Я будто почувствовал страсть к жизни, я будто начал смотреть по-другому на мир.

Наследующий день я гулял мимо детской площадки. Сев на скамейку, стал наблюдать как играет детвора и спокойно наслаждаться этим днём. Вдруг я краем уха услышал историю о призраке, живущем в кирпичном доме за речкой. Зная правду, я лишь тихо улыбался. А призрак был всего лишь собакой со щенками.

День с дворняжкой

Одним тёплым днём, когда золотые лучи солнца били в окна, а люди жаловались на жару, сидя в душных квартирках, я шёл по асфальту. Он будто плавился и кипел, но ничего: в руках я тогда таскал палку, найденную в парке, и бил ею по стенкам домов, по столбам и колёсам машин.

В тот день я не знал, чем заняться. Присев на лавку, стал скучать. На секунду закрыл глаза — темнота, приятное ощущение в лопатках и спине... Я начал расслабляться. От силы поспал минуты три-четыре, но меня разбудило что-то.

Оно было мокрым, лизало колени. Приоткрыв правый глаз, я с удивлением ахнул:

— Ах! Ты кто такая? Что за лапочка тут бродит?

Это оказалась маленькая собачка. Шёрстка выглядела подранной, немного даже старой. Взгляд напоминал взгляд бедной несчастной старушки, а цвет шерсти был смесью коричневой шубки и чёрно-охровых пятен. Она тёрлась у моих ног — так и хотела прыгнуть ко мне.

Моя детская наивность подтолкнула меня поднять дворнягу. Заметив след от ошейника, я спросил:

— Ты у нас, радость, сбежала? Может, тебя домой забрать?

Собака, словно обрадовавшись, стала смотреть на меня и тонко твякнула. Отпускать её я не очень хотел: уж больно по-человечески она смотрела. Да и это было бы предательством. Вытащив из кармана свои единственные деньги, что дала мама на мороженое, я решился купить корку собаке и немного попить.

Взяв эту собачку под руку, я понёс её до магазина. Солнце пекло, но ничего — вон тот дальний магазин как раз и был открыт.

Дойдя по горячему асфальту до магазина, я оставил собаку перед входом:

— Сиди, скоро приду.

Немного пригрозив пальцем, зашёл внутрь.

Окутавшая прохлада успокаивала. Плитка была словно ледяной — даже через мои сланцы она казалась холодной. Проходя мимо полок с овощами, фруктами и прочим, я дошёл до консервов, а оттуда двинулся к хлебу. Он был разный: чёрный, белый, серый — булки, батоны, багеты и так далее. Рядом на полке продавалась бутылка воды. Взяв недорогой серый батон и воду, я пошёл на кассу.

Кассирша выглядела грузной, с крашеными губами и заметной складкой на подбородке. Недовольная, она пыхтела. Я уже думал про себя, сжимая мысленно кулак: «Да что с тобой не так? Ты так тяжело дышишь, а выглядишь уставшей. Быстрее давай, там собачка ждёт!»

— 189 рублей. Оплата по карте?

— Нет, наличкой.

Взяв покупку, я двинулся к собачке. Та скулила и тянулась ко мне лапами. Оторвав корку хлеба и дав попить из бутылки, я мысленно перебирал имена:

— Может, назовём тебя Жужа?

Собака замолчала, в глазах читалось «нет». Вскоре она стала нюхать землю, что-то ища. Её нос упёрся в ствол дерева, и она стала лаять: на ветке сидела сова. Собачка оскалилась так сильно, будто готовилась потрепать пернатого. Но, оттащив её назад, я пошёл с ней гулять дальше.

— А может, Манюня? Или Танька? А лучше — Зозя?

Собака, взглянув на меня с живым интересом, встала на лапы и потянулась ко мне пыльными лапами. Почесав её за ушко, я двинулся с ней дальше.

День для нас был весёлым: мы бегали, играли, сходили на набережную. Там она лишь полаяла на голубей. Я сделал пару фото, как она прыгает.

Ещё мы учили команды. Она очень хорошо знала «дай лапу» и «ложись» — видимо, прошлый хозяин научил.

День с ней шёл как будто по-новому. Радость от того, что такой новый член семьи будет дома...

Наступал закат. Уходящее солнце оставляло на небе сине-голубые оттенки, перетекая в розово-жёлтые полосы. Вскоре золотые лучи поблекли за горизонтом, а мы сидели на травке. Она держала палку, с которой я ходил, а я гладил её шерстку. Трава холодела, и в тот момент, когда я привстал, послышались крики:

— Муся, иди ко мне!

Тот детский голосок шестилетней девочки прозвучал неожиданно.

Моя подруга дня встала, её взгляд обратился к этой девочке, и собака, позабыв про меня, убежала. Девочка говорила дворняжке:

— Мусичка, мы тебя искали пять дней! Ты где же пропадала?

Отец этой девочки, высокий крепкий мужчина, увёл и собаку, и девочку.

Дворняга, оказавшаяся Мусей, не обратила на меня внимания и забыла, что я есть.

Разочарованный, я шёл до квартиры. Асфальт был холодным, как и моя душа от грусти. Было чувство предательства со стороны собаки. Поднимаясь, я разбил об перила палку, топнул и крикнул, а потом злобно поднялся вверх — этаж за этажом. Звонок — открывается железная дверь квартиры. Зелено-белые стены позади, на пороге встречает мать в халате, с бигуди в волосах и поварешкой в руке.

— Ну, как день провёл?

— Да никак. Весь день жара, да и только. Ладно, я в комнату.

Сняв сланцы, я пошёл в комнату. Ко мне подбежал мой пёс Максим — «питбуль».

— Эх, Максимка, не ведать тебе подруги, — погладив его гладкую серую шерсть, я зашёл в комнату.

Пёс слегка вильнул хвостом и побежал на кухню. Его лапы тихо стучали по полу, словно кто-то осторожно шагал. Переодевшись, я лёг с облегчением на кровать.

Спина ныла после этого дня, но я всё думал о той дворняжке.

Тёплый вечер лета

Тёмный вечер на дворе. Солнце уже ушло, начал доноситься скрип сверчков. К ноздрям бился запах скошенной травы, окутывавший двор. Снова запахло чем-то речным — может, у кого-то что-то подгорело.

Меж деревьев начал ложиться сумрак. В глубине двора уже всю сгустился мрак.

— Чернота да бесы... Может, там, в сумерках, демонщина летает, — сказал мой дядя. Он покуривал, прищурившись в сторону угла забора.

Наш дом стоял в середине двора — не слишком далеко, но обойти вокруг можно. Дом был построен из белых кирпичей, крыша — шифером. Типичное жильё, какое строили в 80-х. И под хорошим широким навесом сидел представитель прошлого — дед Максимыч. Он сидел за столом; его старые широкие усы и смуглое лицо словно оживали в такт музыке. Пожилые мозолистые руки ловко перебирали гармонь. Он пел свою любимую песенку:

— Ой, на небе звезда зажглась,

Ай, солнце село за курган...

А рядом с ним, на выкрашенной лавке, лежала баба Леля — типичная бабулька в платке.

— Лелька, а ну давай наливай, сейчас запоём, — сказал ей дед.

— Ну ты, старый, даёшь! Давай хоть так споём.

Их старческие голоса запели:

— Едут, едут казаки, впереди их атаман, ой!

Атаман — казак лихой, всем он скомандовал на бой.

Кто погибнет в том бою, ой! Пал за отчину свою...

Тут подошла мама, Антонина. У неё были светлые волосы, и она часто моргала из-за тика. Бывала то тихой, то временами злой, но в целом всегда добра и мила. Она подносила пирожки, сервиз, вилки, молоко, сахар, салат с помидорами и т. д.

А я лишь ковырялся в носу да поглядывал на кипящий самовар, попутно отмахиваясь от комаров и мух. Смотрел на своё отражение в ржаво-железном самоваре, кривлялся и показывал зубы.

— Гришка, дуй сюда! — кричал мой отец из открытого окна.

Я, быстро наострив лыжи, забежал в дом.

— Глянь-ка, — указывал батя, — в погреб залезешь, оттуда достанешь варенье.

— Тань, какое варенье? — спросил отец.

— Грушёвое! Гру-шë-во-е!

— Хорошо! Ну, сынок, ты слышал, короче, грушёвое — и всё, наверное.

— Тань, всё ведь!

Мама подошла с поварёшкой и сказала:

— Да, только грушёвое — и всё.

И ушла обратно на кухню.

Обувшись в сланцы, я приступил к спуску в погреб. Спустившись и отряхнувшись, начал осматриваться:

— Так... Это у нас огурцы... Ага, тут помидоры. Яблочного нет, томатов нет... О!

— Па, можно достать компот?

— Нет, это на потом. Дядя Валера из Калининграда должен приехать, оставь, в общем.

Я, проходя вперёд, отряхивался от паутины.

— Фу, убрать, блин, не могли — ужас какой! И где оно?... Так, о! Ну наконец-то! Нашёл!

— Доставай, — сказал отец.

Вылезая из погреба, я чуть не упал, но отец мне помог. Он взял банку и отнёс на кухню, а я ушёл мыть руки.

Очистив руки от пыли и паутины, я вышел из дома. Под навесом горел свет: дядя всё так же курил, бабушка и дедушка болтали. А я продолжил сидеть от скуки, пиная ногами землю.

Мама, накрыв стол под навесом, села и вытерла потный лоб. Мой пятилетний брат прибежал — в руках у него была машинка, — и мама пошла мыть с ним руки.

Прошло ещё пятнадцать минут, и все уселись. Самовар был ещё горячим, как и ужин на столе.

Все уселись, дядя произнёс тост:

— За здоровье!

А дед его поддержал, подняв рюмку. Все начали кушать. Кто-то ел пюре, а кто-то — грушёвое варенье.

Хоть и доставала мошकारа, и вечер был прохладен, это был один из моих самых тёплых вечеров лета.

Доктор с платформы

Осенняя погода. Проступал морозный воздух, вялая листва почти сгнила, а немолодые дубы иссохли. Я стоял тогда на станции, на платформе. Вечер был темный, поезда прибывали один за другим: слышался гудок, ощущалась вибрация рельсов. Наконец один из поездов остановился, из вагона выходили люди.

Я сел на лавку — я любил иногда приходить на станцию, посидеть, полюбоваться пролегающей за дорогой степью в малиновых тонах заката, понаблюдать, как уходят и приходят поезда. Вдруг я услышал шаги: ко мне подошел мужчина, видимо лет сорока, с едва проступающей сединой. На нем было пальто, на голове — шляпа-котелок, под рукой — чемодан, обтянутый черной кожей. Чемодану, видно, было лет десять — потрепанный, но добротный. Между нами завязался диалог.

— Здравствуйте, чего тут сидите? — спросил мужчина.

— Здравствуйте, — ответил я.

Мужчина снял шляпу и подсел ко мне.

— Слушайте, голубчик, прекрасная погодка, — сказал он. — Уже через полтора месяца пойдет снег, знали об этом?

На первый взгляд он показался заносчивым. Я молча сидел, пока он рассуждал о природе, антураже и погоде, о том, как прекрасна жизнь.

В какой-то момент я перебил его:

— Послушайте, а как вам идея помолчать? Вы говорите про этот прекрасный вечер, хотя сами болтаете без умолку!

Незнакомец нервно потер морщинистую лысину носовым платком, привстал — и вдруг направился куда-то, зашел за голубые стены вокзала.

Я еще немного побыл на станции. Начало смеркаться, и я решил пойти домой.

Ночь была морозной, утром лег иней, а день оказался полон забот: нужно было наколоть дров, накормить скотину, убрать в доме. Успел еще к соседке сходить поколымить. Наступил вечер — снова солнце уходило за горизонт, снова расцветала малиновая заря.

Я снова сидел на станции. Лавка уже казалась холоднее, драповое пальто не так грело. Я сидел и любовался видом, наслаждаясь одиночеством, возможностью остаться наедине с мыслями, без всякой суеты и работы.

Вдруг я услышал знакомые шаги. Это снова был тот мужчина — на этот раз он был явно в хорошем настроении.

— Голубчик, здравствуйте! Неужели меня ждете? — сказал он.

Закатив глаза, я с недовольством спросил:

— Да чего вам? Я целый день работаю, и вот снова вы! Дайте побыть наедине.

Мужчина подошел, сел рядом и молчал... Прошел час — ни единого слова.

Наконец он заговорил:

— У меня есть подруга — психотерапевт. Мы с ней раньше общались, не знаю, как она сейчас, но я дам вам ее номер. Она лечит особо нервных, а вас она даже без очереди примет, бесплатно. Только тс-с-с, скажите, что от Вадима Егоровича — она поймет.

Я ответил:

— Знаете, вы даже не представились. Приехали в нашу деревню откуда-то непонятно откуда.

— Ой, пардон, — улыбнулся незнакомец. — Я — Зинченко Вадим Егорович, бывший хирург. Когда-то работал в Чернобыле после аварии, потом переехал в Волжский — прекрасный город, знаете ли. Эх, многое в жизни повидал.

— Многое — это понятно. А чего тут забыли? Тут степь глухая, деревни от города огого сколько ехать.

Мужчина побледнел, будто хотел ответить, но слова путались. Потом слезы покатались по его лицу, он заметно нервничал. Я хотел помочь, но он отказался и снова ушел.

Ночь была длинной. На следующий день снова выдался холодный осенний день. Я пришел на станцию, но Вадима Егоровича в тот раз не было. В последующие дни он не появлялся. Так прошло три дня.

Наступил новый день — было холодно, но солнечно.

В гараже я пилил доски на дисковой настольной пиле. Вокруг валялась стружка, гараж пах деревом, мазутом и чем-то старым. Я вспомнил, как с дедом разбирал здесь «Жигуль»: тогда он был новый, зеленый. Теперь это лишь старый ржавый хранитель мешка картошки. Погреб не всегда вмещает все — закрутки мы храним в гараже.

Я пилил доски, а сынок играл с гаечными ключами — я особо не следил за ним. Это и стало главной ошибкой. Отлучившись, чтобы проверить размеры окна, я не заметил, как Артемка потянулся к пиле. Его детское любопытство включило инструмент: диск завертелся, а неаккуратность ребенка поранила палец. Его пятилетнее тельце рухнуло в коробку, случайно воткнувшись лбом в штырь — не насквозь.

Я прибежал, испугался так, как никогда прежде. Выбежал на улицу, кричал: «Доктор!», плакал и молился, чтобы сын остался жив. На мой отчаянный крик сбежалась вся деревня: кто-то звонил в «скорую», кто-то шептался, кто-то говорил, что уже поздно и что им меня жалко.

Вышел доктор — тот самый хирург Вадим. Он отнес сына в медицинский дом — это была изба с двумя докторами. Третьим оказался Вадим.

Меня не пускали внутрь. Я ждал часами, слыша обрывки фраз: «Нужен лидокаин», «Скальпель», «Так, аккуратно», «Сосуды защиты — чуть-чуть». После слов «Нужно наложить швы» я словно очнулся. Тот день казался бесконечно длинным и страшным, но облегчение пришло: доктор вышел и сказал молодым помощникам:

— Учитесь, студентки.

А мне он заявил:

— Вытащили кусочек арматуры. В черепе небольшая трещинка — стоит обратиться к доктору в городе. Швы наложены, палец пришит. Все отлично, пойдет на поправку ваш мальчуган.

Я поблагодарил его на коленях, целовал его руки, но он лишь спокойно произнес:

— Успокойтесь.

Прошла неделя. Мороз крепчал, листва сгнила и превратилась в корку промерзлой земли. Сын шел на поправку.

Доктор пришел, когда был уже темный вечер. Мы с ним сидели за столом и пили чай. Сын с перебинтованным лицом и пальцем рассматривал картинки из детских сказок.

— Любопытный у вас сынок, — подметил Вадим. — Однако... Все это хорошо, но тогда я не успел сказать, почему оказался тут.

— И почему же?

— Дело в том, что после Чернобыля я как хирург лечил больных в городе, лечил пострадавших от аварии. Но радиация не щадит: те, кто проводил операцию одному пожарному (у него был перелом бедра), все доктора, включая медсестер и молодых интернов, — я тоже был в интернатуре — не дожили до этого дня. Я чудом двадцать пять лет боролся с раком, но даже специальные методы не смогли его остановить. Тяжело ходить, с каждым днем все хуже. Я не стал лечиться: рак кости пошел по телу. Семьи нет и не было — жена ушла еще в 2003-м: уж больно я не романтичный. Романтики ей подавай... Просто не хочется сдаваться и умереть от рака. Я не сдамся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.